

**Самоотвержение как высшее проявление любви в творчестве П.Л. Лаврова
Безрукавникова Инна Николаевна**

Студент

*Липецкий государственный технический университет, Гуманитарно-социальный
факультет, Липецк, Россия
E-mail: bezrinna@yandex.ru*

Проблема любви в человеческой жизни является актуальной, каждый пытается решить ее для себя, и для каждого она глубоко индивидуальна. Пути ее неисповедимы и природа таинственна. Любовь есть некая тайна, бесконечно дорогая каждой скольконибудь живой душе, и в то же время неисчислимы попытки уничтожить и выхолостить эту тайну. Кто-то сводит любовь к психологической привычке или симпатии, кто-то к физиологическому влечению, многие пытаются успокоиться на том, что смысл любви никак невозможно ни понять, ни выразить, а кто-то вовсе уверяет себя в ее отсутствии.

Петр Лаврович Лавров определяют любовь через способность человека к самоотвержению. Он говорит о том, что в личности существует начало, подчиняющее ее другой, действительной или воображаемой личности, и подчиняющее добровольно, так что достоинство первой в ее собственных глазах остается ненарушимым.

Рассматривая любовь как весьма сильную привязанность, П.Л. Лавров отмечает ее значительную изменчивость. Во многих натурах эта привязанность есть одно из эгоистических побуждений: цель ее есть плотское наслаждение, удовольствие ума или воображения, подчинение себе другой личности. В других она доходит до крайнего самоотвержения, до совершенного забвения собственного достоинства. Всякий любит настолько, насколько развита его натура, и по мере развития и порчи его природы развивается или портится его способность любить. [2]

Весьма тонкая черта отделяет здесь себялюбивую защиту личного наслаждения от внезапно проснувшегося порыва самоотвержения. Иногда существо, на которое мы привыкли смотреть как на низшее, развертывает перед нами все свое достоинство, и перед этим достоинством наше собственное теряет для нас свое значение. Тогда мы переносим все эгоистическое стремление к расширению своего «Я» в это чуждое нам существо; мы готовы всем жертвовать для него, потому что признаем его высшим, потому что считаем его существование, его удовольствие, его достоинство несравненно выше собственного. [2]

Чем существо нам дороже, тем это самостоятельное достоинство растет в глазах наших. Мало - помалу оно подчиняет себе, в нашем сознании, все наши понятия о нашем личном наслаждении. Подчиняясь ему, мы невольно стараемся оправдаться перед собственным достоинством. Тогда творчество развертывает перед нами идеал самоотвержения. Самоунижение, самоотрицание делается добродетелью, долгом, заслугой. То, что оскорбляло наше достоинство, что возбуждало наше отвращение, делается именно венцом нашего достоинства.

Чувство самоотвержения Лавров считает тождественным с любовью. В этом акте ранее обособленная личность выходит из своего эгоистического «Я» и «Я» другого человека, расширяя пространство своей духовной ограниченности. Ясно, что с развитием

нашего знания, нашей наблюдательности мы, оставаясь на точке зрения чисто человеческой критики, в большинстве личностей найдём недостатки и слабости, которые не позволяют нам ставить их выше себя по достоинству. Если они не освящены нашей верой, то за ними останутся случайные превосходства общественного положения, частного развития, лет, семейной связи, которые, как случайные, не могут обуславливать с нашей стороны самоотвержения, поглощения нашего достоинства их достоинством. Самоотвержение делается мгновенной вспышкой восторженной привязанности, временным отсутствием критики личности. Тогда в обыкновенном состоянии нашего духа самоотверженные действия представляются нам как самозабвение, как отсутствие сознания. Чтобы оправдать их перед судом своего достоинства, мы должны будем встать на другую, высшую точку зрения.

Будучи по природе своей отвержением самолюбия, самоотвержение приносит плоды или рождает в нас расположения, совершенно противоположные тем, какие производит самость. А именно: вместо гордости у самоотверженного человека — смирение, вместо корыстолюбия у него — нестяжательность.

Современный английский социолог Энтони Гидденс дает свою трактовку понятию «любовь». Для него романтическая любовь — это преобладание идеалов возвышенной любви над сексуальными отношениями, а также ее свобода от иных материальных и земных мотивов, от биологических и социальных факторов. В такой любви возлюбленная(ый) воспринимается как неповторимая личность, значимая для влюбленного(ой) сама по себе, и она обретается на всю жизнь. Размышляя над данным понятием, он говорит о том, в последние десятилетия близкие отношения претерпели глубинные и даже революционные изменения, превратившись из социального института в инструмент эмоциональной самореализации индивида. Иначе говоря, по мнению Гидденса, близкие отношения все более освобождаются от навязанных им извне, общих для всех правил, норм и ролевых предписаний и все чаще регулируются исключительно соображениями личностного удовольствия, удовлетворения и самораскрытия. Происходит вытеснение романтической любви любовью «конфлюэнтной».[1] В такой любви сексуальность становится непременным и основным компонентом любовных отношений. Ценным в любви оказывается не объект любви, который не воспринимается более в качестве неповторимого, единственного и в идеале обретенного навсегда, а сами отношения как факт здесь и сейчас осуществляющейся жизни.

Таким образом, сфера любви претерпевает кардинальную трансформацию, превращаясь из возвышенного и нравственного состояния в самоценные частные взаимоотношения.

Современное понимание любви существенно отличается от понятия любви у П.Л. Лаврова. Он считает любовь важным условием прогрессивной жизни общества. Для него это искусство, требующее от человека самосовершенствования, самоотверженности, готовности к самопожертвованию. Если человек в любви отвергает себя, отдает себя другому, жертвуя своей самостийностью, то в этой жертве — впервые обретает полноту себя, открывает для себя самого чудные, неисследимые глубины своей личности. Самоотвержение расширяет сферу нашей личности; через него мы обладаем внутри себя всем множеством; мы включаем многих в свое собственное «Я».

Эта способность расширения своего достоинства помощью перенесения его в чужое во все времена так поражала человека, особенно среди массы личностей, неспособных

к этому расширению, ограниченных всегда своими эгоистическими стремлениями, что человек видел в ней большую часть высшую способность, идеал, за которым уже ничего нет.

Литература

1. Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб.: Питер., 2004.
2. Подольный Р.Г. Мир и Эрос. Антология философских текстов о любви. М.: Политиздат., 1991.